
КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 2, 3 (б — бдынь). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 336 с. Вып. 3 (бе — болдыхать). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 342 с.

Вышедшие в 2008–2009 гг. два очередных выпуска «Русского этимологического словаря» А. Е. Аникина построены по тому же принципу максимального охвата русской лексики в ее историческом развитии с учетом литературы, что и первый выпуск¹. Эта максималистская программа в целом успешно осуществляется в издании, хотя значительное обилие материала в некоторых случаях приводит к недостаточно глубокой его обработке и к невниманию к проблемам источниковедческого характера, хотя именно источниковедческий подход к лексике следует считать сильной стороной словаря. Усилиями А. Е. Аникина создается на страницах «Русского этимологического словаря» критическая оценка накопившегося в нашей лексикографии лексического материала на предмет его филологической достоверности.

Это касается не только этимологической части, основной для этимологического словаря, но также и материала исторической лексикологии, на недостаточность разработки которой полвека тому назад жаловался в послесловии к своему этимологическому словарю М. Фасмер, а преодолению этой недостаточности много внимания уделил П. Я. Черных в своем историко-этимологическом словаре.

Основной корпус словаря А. Е. Аникина составляют слова из лексикографических источников, которые лишь частично отражают богатство русской лексики, даже применительно к языку художественной литературы, поскольку полнота отражения словарного состава принесена в жертву смутному принципу нормативности: отражается общественная норма, а наиболее трудная часть словаря оказывается за пределами академической лексикографии, особенно это касается редких устаревших слов.

Конечно, лексикографические фиксации русской лексики довольно обширны, но их полный учет пока весьма затруднителен из-за их лапидарности. А. Е. Аникина можно упрекнуть в том, что ему остался неизвестным весьма богатый, хотя и не лишенный некоторых недостатков «Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка» Н. И. Епишкина, вышедший в Чите в 1999 году, из которого можно было бы извлечь много

интересных слов типа *благёр* 'хвастун, болтун, пустомеля', которое употреблялось в русских текстах многими авторами и в оригинальном французском облике *blagueur*, но русской лексикографии это слово неизвестно в русифицированном облике.

Хотелось бы привести ещё один довольно показательный пример со словом *биргалка*, которое встречается, например, у А. П. Чехова в рассказе «Забыл!!» (1882): «Простудился, должно быть ... Пива холодного выпил в биргалке...», но до сих пор не попало ни в один словарь и не объяснено комментаторами. Встречается оно позже и у других авторов в формах: *бирхалка*, *биргалле*, *бирхалле*, но форма его так и не унифицировалась до выхода слова из употребления, зато была калькирована его немецкая внутренняя форма сложного слова *Bierhalle* (нем. *Bier* 'пиво' + *Halle* 'зал') определительным словосочетанием *пивной зал*.

По-прежнему автор уделяет пристальное внимание источниковедению этимологического материала на предмет его филологической достоверности и много усилий тратит на выявление ошибочных, призрачных слов, рассеянных по многочисленным словарям, даже в тех из них, которые составлялись профессиональными лексикографами, как это имеет место с материалом СРНГ, собранном из разных первичных фиксаций. Особенно это касается слов с единичной фиксацией, не подтвержденных другими источниками.

Взятое из СРНГ странное донское название стручкового перца *бабер* получило у А. Е. Аникина, по-видимому, правильную этимологию на основании турецкого *biber*, *büber*, к которому следовало бы добавить аналогичные формы из азербайджанского и крымско-татарского языков, которые более релевантны для донских говоров, где слово *бабер*, однако, неизвестно.

В донских говорах приведенное по СРНГ (2, 18) слово «*бабер* .. 'растение *Capsicum annuum* L., сем. пасленовых; стручковый перец. Дон. Анненков» едва ли существует: его нет в сводном «Большом толковом словаре донского казачества» (М., 2003). В капитальном многоязычном ботаническом словаре Н. И. Анненкова в русской части слово *бабер* также отсутствует:

«*Capsicum annuum* L. Горчица (Земл. Войск. Донск.) Горчица уральская, Горчица турецкая (güld.) Жгунь, Садовые Корольки (Даль) пер. с фр. Перець астраханский (Кондр.) Перець индйский (Кондр.) пер. Красный перец. Русский перец. Стручковый перец. Стручковый перец. Турецкий перец (пер.) Перчица (Новор.) Астраханский стручек (Вят. Пуп.)».

Но это слово находим в следующем за польским и чешским сербском списке: «*Сербск.* Паприка (Кар.) Баберь, Папарь (Мик.)»². Не исключено, что русифицированное написание слова (с -ь в конце) подтолкнуло составителей принять сербское слово за русское.

А. Е. Аникину следовало бы отказаться от предположения: «Ударный -а- в первом слоге **б<áбер>**, видимо, под влиянием других слов на *баб-* с разной этимол.» — и искать объяснение своеобразного вокализма первого

слога в сербскохорватском же языке, которому и принадлежит ошибочно попавшее в русский сводно-академический словарь сербское слово *бабер*. Огласовка первого слога *-а-* возникла в сербском слове в результате взаимодействия синонимических этимологических дублетов *бубер* и *папар* 'перец черный'.

Паспортизация выявленных ошибок в лексикографии обеспечит исключение «призрачных» слов из дальнейшего оборота, но для этого они должны быть выявлены и объяснены.

Обладающий несомненными достоинствами словарь А. Е. Аникина является плодом огромной и тщательной работы составителя, что обеспечивает возможность дальнейшего умножения этимологических исследований путем обогащения их оставшимся в стороне материалом и упущенными возможностями в трактовке собранного.

К серии названий струнных музыкальных инструментов *бандора*, *бандура*, *мандал(ин)а*, *банджо*, восходящих к одному бродячему слову и получивших в словаре достаточно полное освещение, следовало бы добавить зафиксированное в сводном «Большом словаре русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (СПб., 2000, 49) из ненадежного словаря Д. С. Балдаева и др.³ якобы «уголовное» слово *бандúса* 'гитара', которое фактически представляет собой мнимое слово из неправильно прочитанной акающей формы *банджа* с разложением буквы *ж* на *ис* и с неизвестно откуда взявшимся ударением.

Можно оспорить (как источниковедчески, так и семантически) статью: «*бани*, *бана* 'часы' арготич. (Поп<ов> 1912, цит. по Невской, см. ниже) // сопоставляется с польск. *bania* 'купол, выпуклый предмет', чеш. *bán*, *baň* 'то же' <прасл. * *ban'a* см. *баня* II, *банка* I. Рус. слово м. б. сначала назв. часов сферической формы, ср. также их арготич. назв., как *луковица*, польск. *subula*, ротвельш. *Zwibel*, франц. *oignon*. Рус. б° < ? зап.-слав. (Невская Сов<етское> Сл<авяноведение> 5, 1990: 54)». Прежде всего вызывает сомнение само реестровое слово со странным колебанием формы *бани*, *бана*, восходящее к не очень надежному полицейскому изданию: В. М. Попов. Словарик воровского и арестантского языка. Киев, 1912⁴ — и нигде больше не подтверждаемое, что заставляет относиться к подобным словам с осторожностью. Есть основание предположить, что *бани*, *бана* возникло из небрежно с отражением аканья записанного и неправильно прочитанного арготического названия часов *бокá* (plur. tant.), где уже в словаре В. М. Попова обнаруживается колебание между *а* и *и* в восприятии конечной буквы *а* с плохо прописанной верхней частью, а буква *к* прочитана как *и*. Признак сферичности часов приписан им на основе этимологии: в исходной дефиниции он отсутствует⁵.

На основании скудных данных СРНГ (2, 95): «*ба́нна*, ы. ж. Ванна. Холмогор. Арх., 1907» — не подтверждаемых другими источниками, и сомнительной статьи СлРЯ XVIII в. (1, 138): «*банна*, ы, ж. (Един.) *Ванна*. Сажали в банну сухую потѣть, а вниз клали травы с водою и камни горячие. АК III 231» — А. Е. Аникин включил в свой словарь подозрительное слово *ба́нна*

‘ванна’ как результат контаминации *баня* и *ванна*, хотя здесь скорее стоит видеть небрежно написанное и неправильно прочитанное севернорусское слово *байна* ‘баня’, в существовании которого сомневаться не приходится.

А. Е. Аникину стоило обратить внимание и на подозрительное слово в том же СРНГ (2, 43): «**баенна**, ы, ж. Баня. Устюжн. **Волог.**, 1897. *Разгорися, каменка, Растопися, баенна; Растоскись, княжна-душа, По своей сторонушке, По своим приятелям* (свад. песня). Пск. **Пскк**».

Здесь мы имеем дело с реальным словом *баенка* (уменьш. от *байна*), в котором *к* прочитано как *н*. Вологодскими другими источниками слово *баенна*, кажется, не подтверждается, а слово *баенка* образует рифму к слову *каменка*, но этого нет при сомнительном *баенна*. В Пск. словаре (1, 92) (1967) есть вариант этой песни:

Ръстапіся, пярна баінкь,

Ръзгаріся, краснь каминкь, —

записанный в деревне Вишняково Печорского района в 1960 г., где в рифме ясно записано предполагаемое нами слово *баенка*, не *баенна*.

Стоило бы разоборать название мифического полурастения-полуживотного похожего на ягненочка *Boranetz, quasi agnellum dicas — Boranetz, sovil ain Lample*, о котором говорил с некоторым недоверием С. Герберштейн⁶ и которое в XVI-XVII вв. было предметом оживленного обсуждения ученых того времени. Слово было подвергнуто критическому анализу как прозрачное, а в наше время в русифицированном написании *баранец* его даже требовали включить в «Словарь русского языка XI-XVII вв.» в рецензии на этот словарь⁷, хотя из контекста описания баранца можно думать скорее о его татарской региональной принадлежности.

При правильно этимологизируемом из русского языка слове *баранчүк* ‘ребенок, особенно в разговоре с татарскими народами (хотя слово это и не татарское; монгольское?)’ следовало бы указать на его принадлежность поволжско-среднеазиатскому тюркско-русскому пиджину, что явствует из приведенной при нем дефиниции из словаря В. И. Даля, который знал, что в поволжско-среднеазиатском русско-татарском пиджине было употребительно калмыцкое слово *махан*, и предполагал такую возможность для загадочного *баранчук*.

Воронежские загадочные выражения *басарма́, пасарма́, на басарме* (*ругаться*) ‘ругаться матом’ сопоставляются автором с первым словом (*basszam — 1-е лицо ед. числа конъюнктива глагола baszik ‘futuere’*) венгерского obscene выражения *basszam (azt) a kutya teremtette fatyút*, где конечная часть буквально значит ‘этого сухой сотворенного ублюдка’. Автору остался неизвестным мой краткий обзор литературы на данную тему⁸, который сейчас может быть дополнен также употреблением слова *басам* и т. д. в «Цыганской венгерке» (1857) Аполлона Григорьева.

При турецком военном термине *байрак* ‘рота’ (< ‘знамя’) было бы полезно учесть сложный материал тюркских языков, среди которого изолированная форма *قردك batrak* у Махмуда Кашгарского должна рассматриваться как искажение правильной формы *قردك bajrak* в результате перенесения

точек в букве əj вверх и превращения этой буквы в ɔ^{ρ} . Кроме единичного *батрак*, по данным «Древнетюркского словаря» (Л., 1969, 79, 89), у этого же автора дважды встречается форма *байрак*.

Просторечное слово *башка* ‘голова’ А. Е. Аникин рассматривает как адаптированное с помощью русского суффикса *-ка* тюркское *баш* ‘голова’, не учитывая странность акцентуации: русский суффикс *-ка* обычно безударный. При этом автор осторожно замечает, что «думать <...> о заимств. из тюрк. формы дат. *baška* нецелесообразно», хотя взвешенный анализ существующих этимологий позволяет говорить именно в пользу последней этимологии с опорой на татарскую фразу *башка ничэ бирэсең* ‘что даешь за голову [скота]?’¹⁰. Конечное ударение русского слова объясняется удачно именно такой этимологией.

В Словаре обращено внимание на жгонские слова *башкётнее*, *башкóвее* ‘быстрее’, *башкóво* ‘скоро, быстро’, *на башкет* ‘наскоро, наспех’ (из тайного жгонского языка костромских шерстобитов), которые выводятся из марийского *вашке* ‘скоро, быстро’, что хорошо подтверждается еще более близкими к марийскому первоисточнику *вашкётней* ‘быстрой’, *вашкетно*, *вашкóво* ‘быстро, скоро’, которыми можно было бы дополнить статью из материалов В. Д. Бондалетова, зафиксировавшего также более короткие формы *шкётнее* ‘быстрее’, *шкётно* ‘быстро’¹¹. Последние примеры говорят о том, что в их более длинных соответствиях начальное *ба-* воспринимается как своеобразный префикс, а сами они могут рассматриваться в качестве источника для арготического *шкет*, обозначающего маленького, юркого человека, обычно мальчика, «шустрика»¹².

Аналогичная ситуация возникает и при анализе нижегородского диалектизма *басарга́* ‘пугливая, неприрученная овца’ (сюда следовало бы добавить уральское *басарга́*, *басарóжка* ‘овца’ (Сл. Сред. Урала I, 36), который напоминает жгонские *басаргулёнок* ‘ягненок’, *басаргулиться* ‘ягниться’, *басаргуля́* ‘овца’ в соотношении с *сарга́* ‘овца’, *саргуля́* ‘овца, коза’, *соргуля́* ‘овца’, *саржóнок*, *саргушóнок* ‘ягненок’. Эти жгонские слова, безусловно, связаны с поволжскими тюркскими названиями овцы (татар. *сарык*, чуваш. *сурăх*, башкир. *һарык*). Есть и жгонские слова в марийской фонетической обработке: *шаргина́* ‘овчина’, *шаргулёнок* ‘ягненок, козленок’, *шаргулька́* ‘овца’, *шаргуля́* ‘овца’¹³ — при мар. *шóрык* (луг.), *шáрык* (горн.) ‘овца.’

В. А. Меркулова слово *басарга* и его варианты (?) *басалга*, *басайга* с варьированием согласного *р-л-й* и значения ‘овца (пугливая)’, ‘глупый или несерьезный человек’, ‘суетливый человек’ и т. п. рассматривает как нечленимое: «слово *басарга́* не может быть расчленено на морфемы с точки зрения славянского словообразования, оно и не может быть проэтимологизировано на славянской почве»¹⁴. Однако далее она ограничивается лишь предположением о его тюркском происхождении на основании наличия в этом слове конечного ударного *-га*, имеющего аналогии в тюркском словообразовании.

Возможно привлечение сюда же смоленского названия овцы *шурка*, но тюркское его происхождение было оспорено А. Е. Аникиным в специаль-

ном этюде об этом слове (Этимология 2003–2005, 10) в пользу производства от подзывного слова дескриптивного происхождения в противовес моей булгарско-чувашской этимологии (др.-чув. **шурăк* при современном *сурăх* — см.: Этимология 1968, 194). Похоже, что мы имеем дело с бродячим словом, пути движения которого не вполне ясны.

В. Д. Бондалетов в условных языках префикса *ба-* не выделяет, но его заметили исследователи общерусского языка¹⁵. В жгонском слове *башкетный* этот префикс возник на месте исходного анлаута *ва-* и был отброшен в преобразованиях типа *шкетный* (с тем же значением), а в слове *басарга* этот префикс наоборот добавлен к поволжскому тюркизму *сарык*, *шарык*. Сам А. Е. Аникин относится к возможности выделения префикса *ба-* сдержанно.

Хотя трудное слово *батра́к* практически остается без надежной этимологии, имеется значительное число попыток его объяснить, к чему можно было бы добавить предположение о его этнонимическом происхождении, поскольку связь социально-профессиональной и этнонимической лексики хорошо известна: *швейцар*, *казак*, *арап*, *татар* (последнее слово в турецком языке значит 'курьер'). Следует обратить внимание на племенное название *бодырак*, *бодырах* у акногайцев¹⁶, хотя исторические основы для этого сравнения нам пока неизвестны.

Есть в персидском языке созвучное слово с подходящей семантикой «*بادرگ* *bādräg* (= *باداصل* *bādāsl*) '1) незнатного происхождения; 2) неблагоприятный, непорядочный'», но тюркские языки его, кажется, не знают.

Похожее слово *бодрак* 'привольно пасущийся' встречается в двух тюркских рунических эпиграфях Тувы (№ 45, 55)¹⁷, которое в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969, 107, 120) дано в колеблющейся огласовке *bodraq*, *budraq* 'рассеянный, разбредшийся, привольный (о скоте)'. Но его отношение к племенному названию акногайцев проблематично, как и другие этимологические соображения о слове *батрак*, не выходящие за рамки предварительных предположений.

Несовпадение исхода слова в русском *башкир* и в его тюркском первоисточнике *bašqyr̄t* А. Е. Аникин объясняет наличием или отсутствием *-t* «как следствие обработки этнонима в венг.: наращение венг. уменьш. суфф.<икса> *-t* или осмысление части корня как суфф. и возникновение формы без *-t* вследствие десуффиксации в венг.» (по Ю. Немету). На самом же деле первоначальный *-t* исчез в русских производных **башькыртьци* > *башкирцы*, **башькыртьский* > *башкирский* как непроизносимый согласный, причем имела место вторичная редеривация (обратное образование) корня *башкир* без проблематичного участия венгерского языка.

Наряду с общепринятым выведением слова *башня* 'вышка, каланча' из *баш(т)ня* (от *башта* 'башня'), которое принято и у А. Е. Аникина, с XVIII века существует и часто активно пропагандируется семантически ущербная этимология от тюркского *баш* 'голова'¹⁸, которая должна не замалчиваться, но получить негативную оценку как явно необоснованная и ошибочная. В осташковских говорах Калининской области в 1946 г. за-

фиксировано слово *бересня* (из *береста*) с отражением такого же процесса перехода конечного *-та* в *-ня* (СРНГ 2, 255).

При загадочном слове *бдынь* (в завещании княгини Ольги, которая *призва сна своего Стослава и заповѣда ему съ землею равно погresti ся а мобылы не сути ни трызнь ни бдына дѣяти*) из проложного жития святых у А. Е. Аникина стоит помета в скобках: (знач.?). Но такой же знак вопроса следовало бы поставить и к форме слова, которое не имеет в памятниках стабильного облика и представлено в них множеством разных вариантов: *бды, бедына, години, дѣна, дина, дыны, дыни, ниедина, дѣлы, дѣла*¹⁹. В весьма обильных количественно разысканиях об этом слове, большей частью проанализированных в не учтенной А. Е. Аникиным обширной статье А. Б. Страхова «Из области обрядовой терминологии: ц.-слав. *трызна, (г)дынъ* etc.»²⁰, не было глубокого текстологического анализа этого загадочного места, как и впервые привлеченного сюда А. Е. Аникиным загадочного же названия языческого обряда (?) *бдѣльникъ* в поучениях против язычества. Последнее в сочетании с впервые привлеченным сюда балтийским материалом типа лит. *budėti* ‘распевать ночные молитвы у тела покойника’ говорит в пользу связи с глаголом *бѣдѣти*, хотя суффиксальная часть остается неясной.

В словаре сделана большая подборка материала и его этимологических интерпретаций применительно к новому славянскому названию грызуна *бѣлка*, вытеснившему старое *въверица*. Памятники древнерусского языка еще знают слово *въверица* общеславянского происхождения с параллелями в других индоевропейских языках. В трех отдельных статьях сделан обзор не вполне убедительных попыток объяснить название мелкого грызуна *sciurus vulgaris* *бѣла, бѣла, бѣлка*, вытеснившее из обихода общеславянское название *въверица*, причем не учтено, что последнее перед исчезновением из русского языка приобрело в нем еще одно значение — ‘название шкурок этого животного как платежного средства (т. е. денег)’. С появлением на рынке серебряных монет, последние получили название прежнего платежного средства – *въверица*, но употреблялось слово *въверица* с уточняющим определением *бѣлая*, которое точно характеризовало цвет серебряных монет.

Именно серебряные монеты упомянуты в «Повести временных лет» под 859 г. в рассказе о варяжской и хазарской дани: «[и]маху дань *Варъзи изъ заморья на Чюди и на сл^овъне · на Мери · и на вѣсъхъ Кривичехъ а Козари имаху на Полянѣ · и на Сѣверѣ · и на Вятичѣхъ · им^аху по бѣлѣи въвериць ѿ дыма» (Лавр. лет. л. 7)²¹. Согласно разысканиям А. А. Шахматова, это летописное известие имело довольно сложную историю, которую он весьма остроумно реконструировал.*

В «Древнейшем Киевском летописном своде 1039 года в редакции 1073 года», по реконструкции А. А. Шахматова на основе Комиссионного списка Новгородской первой летописи, речь шла только о дани варягам перед их призыванием на княжение: «Въ си же времена Словѣне и Кривичи и Меря дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣи въверици...». При этом четко,

но без особого вхождения в детали А. А. Шахматов формулирует свою позицию: «Отвергаю чтение «по бѣлѣ и вѣверици» (в Троицк. сп. Новгород. 1-й: «по бѣлки и вѣверици»); по-видимому, веверица южное название для северной белки; в Архангелогор. “по бѣлѣ вежице”»²².

«Новгородский свод 1050 года с продолжениями до 1079 года» усилил новгородскую привязанность известия: «Въ си же времена Новгородьстии людие, рекомии Словѣне, Кривичи, и Меря, и Чудь дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣи вѣверици...»²³.

В «Начальном Киевском своде 1095 года» это сообщение имело вид: «Въ времена же Кыя и Щека и Хорива быша Новгородьстии людие, рекомии Словѣне, и Кривичи и Меря: Словѣне свою волость имѣяху, а Кривичи свою, а Меря свою; къждо своимъ родъмъ владаше, а Чудь своимъ родъмъ; и дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣ вѣверици...»²⁴.

В реконструированном А. А. Шахматовым тексте «Повести временных лет» статья о дани варягам была дополнена сведениями о дани хазарам, но уже не от мужа, а от дыма: «В лѣто 6367. Имаху дань Варязи, приходящи изъ замориа, на Чюди и на Славнѣхъ и на Мери и на Вси и на Кривичихъ; а Козаре имаху на Поляхъ и на Сѣверѣ и на Вятчихъ; имаху “по бѣлѣ вѣверици” от дыма»²⁵.

К. Н. Бестужев-Рюмин обратил внимание, что у польского историка Яна Длугоша (1415–1480), труд которого цитировался им по изданию 1711 года, за рассказом о призвании на Русь варягов (a Varasis tres duces accerperunt) следует указание на размеры взимаемой Рюриком и его братьями дани, которая в Начальном своде упоминается до рассказа о призвании князей-варягов: «His et cuilibet eorum a Ruthenis et populis eorum (var. suae) ditioni subiectis ex quolibet capite humano pro tributo unus aspergellus (var. asperiolus) albus reddebatur»²⁶. Латинское название дани aspergellus albus затрудняло переводчиков и исследователей, которые сохранили его в скобках: «Z tych kazdemu Rusini i ludy im podlegle w daninie od glowy po jednej popielicy (aspergellus albus) skladali»²⁷. «Русские платили своим правителям дань по одной белке (aspergellus albus) с человека»²⁸.

В новейших изданиях и переводах труда Я. Длугоша это место выглядит следующим образом: Hiis et cuilibet eorum a Ruthenis et populis eorum ditioni subiectis ex quolibet capite humano pro tributo unus aspergellus albus reddebatur = Им и каждому из них русские и подчиненные их власти народы от каждой головы платили в качестве дани по одной белой белке²⁹.

В «Слове о полку Игореве» вместо словосочетания *бѣлая вѣверица* употреблено уже субстантивированное прилагательное: *а поганіи <...> емляху дань по бѣль отъ двора*³⁰. Суффиксальная форма *бѣлка* получает широкое распространение во всех восточнославянских языках с XIV-XV вв.³¹.

Названия платежных средств исходных *бѣлая вѣверица* и более поздних *бѣла*, *бѣлька*, а также *бѣлица* (сохранившееся в прилагательном *бѣличий*) относились к серебряным монетам, что весьма естественно по отношению к серебру и весьма распространено во многих языках.

Ситуация осложнилась, когда на Руси наступил так называемый безмо-

нетный период с XII до конца XIV вв. в товаро-денежных отношениях. В это время крупные платежи реализовались серебряными слитками — гривнами, а в сфере мелкого товарооборота снова активизировались «меховые деньги» — шкурки пушных зверей, среди которых преобладающими, по-видимому, были шкурки веверицы. За ними функционально закрепились название *белки*, которое постепенно стало употребляться и как название для животного — источника платежного средства.

С возобновлением монетного обращения за новыми монетами закрепились новые названия — *деньги, копейки, алтыны, полушки* — с генерализацией первого из них, а старое название денежной единицы *белка* стало названием пушного зверька.

Надо учесть, что в восточно-финских и тюркских языках распространена семантическая модель называния одним словом грызуна 'белка' и мелкой разменной монеты (например: марийск. *ур* '1) белка; 2) и стор. денежка, копейка' и т. д.; каракалп. *тыйын* '1) белка; 2) копейка' и т. д.³²

Восточные финно-угорские и тюркские языки таким образом демонстрируют связь названия белки и мелкой разменной монеты, что является некоторой семантической аналогией к древнерусскому типу.

А. Е. Аникина затруднило название горнозаводского или приискового рабочего *бергал*, которое он вынужден объяснять как народное образование с основой *берг-*, входившей в состав многих терминов горного дела немецкого происхождения в XVIII-XIX вв., хотя вторая часть *-ал* осталась без объяснения. На самом же деле это народное преобразование хорошо известного в это время термина чисто немецкого происхождения, отраженного в СлРЯ XVIII в. с искажением данных «Нового словотолкователя» Н. М. Яновского³³: «◀БЕРГГАУЕР 1798 (-гаур 1735, также дефис), а, м. Нем. Berghäuer. Горн. Рабочий, добывающий в рудниках руду или камень. Ад. I. 238. Берггаур Горивцын. Геннин 79. — Ср. *горосьтчец, каменосьтчец, рудокопатель, рудокопчик*. — Лекс. Ян. берггауер, берг-гауер»³⁴.

Помнилось это слово и во времена В. И. Даля в гнезде **берга́мт:** «*берга́уерь* м. рудокопъ»³⁵.

Тюркские названия сыра домашнего производства, с фонетическими варьированиями отражены (в разных говорах) в трех почти самостоятельных статьях *бешлек, бислык, бишлек* с частичными взаимными отсылками между ними, а также к словам такого же происхождения *бышлак, пышлак, пишлык, пишляк, пислык*. Гораздо более информативным было бы объединение всех этих названий в одной словарной статье и отдельное существование их показать на своих алфавитных местах в виде отсылочных слов.

Так же следовало бы поступить с разнобоем в передаче тюркских титулов *бег, беглербег, бей, бек, бий, бекечь* и т.п., как автор поступил с диалектными южными названиями подарка, подношения, взятки *бешкеш, бишкеш, пешкеш, пишкеш*, которые даны в одной статье в четком противопоставлении прошедших кыпчакско-тюркское посредство форм с начальным б- (терск., донск.) и связанных с персидским первоисточником форм с начальным п- и возможными азербайджанским и кумыкским посредниками.

Но дифференциации путей проникновения этих слов в русские говоры и литературные тексты А. Е. Аникин не обозначил³⁶.

Для убедительно выводимого из глагола *бирать*, *сбирати* севернославянского слова *бирка* 'пластинка с надписью (на товаре, багаже)' в словаре не учтена недостоверная этимология в связи с сомнительными татарскими диалектизмами *бирге*, *биркэ* 'знак отличия, любви (?)', которые сопоставляются с подозрительным монгольским *бирга* и калмыцким *бирге* 'эмблема': «**бирге**, **биркэ** диал. 'знак отличия, любви' — см. монг. *бирга*, калм. *бирге* 'эмблема'. — По мнению Г. Рамстедта, из санскрита. Рус. *бирка* — из тюркских языков»³⁷.

А. Е. Аникин в основном хорошо преодолевает те трудности, которые возникают при анализе противоречивого материала лексикографических источников. Но в отдельных случаях возникают досадные недоразумения.

А. Е. Аникин подробно анализирует этимологические связи зафиксированного В. И. Далем медицинского термина: «**бистурѹ**, **бистурѹй** м. фрнц. врчб. малый нож хирурга, лезвее его вершка въ полтора; обычно прямой, остроконечный», — ограничившись лишь первым вариантом (без ударения!) и снабдив термин пометой *интернац.* (т. е. *интернационализм* — ?!), взятой из ненадежного словаря блатного жаргона Д. С. Балдаева, В. К. Белко, И. М. Исупова: «**БИСТУРИ** (*ин.*) — нож небольшого размера», — где сокращение (*ин.*), однако, раскрывается как *иноязычное* и обосновывается тем, что лексика собиралась практически на всей территории бывшего СССР (этим, кстати, объясняется и появление в словаре слов с пометой «иноязычное»)»³⁸.

Из ненадежных словарей блатного языка (на которые сделаны аккуратные ссылки) «Большой словарь русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (СПб., 2000, 62) скомпоновал словарную статью: «**бистурѹн**, неизм., м. Угол. Нож большого размера. Мильяненков, 85; ББИ, 28; Балдаев, I, 36.», где вызывают сомнение неизвестно откуда взявшееся ударение, указание на неизменяемость слова и его принадлежность к мужскому роду, а также квалификация его как слова *из речи уголовников* и дефиниция с превращением *ножа небольшого размера* в *нож большого размера*. Здесь точны только ссылки на ненадежные источники.

В весьма обильном по материалу «Кратком историческом словаре галлицизмов русского языка» Н. И. Епишкина (Чита, 1999, 194) под словом *бистури* приводятся тексты XVIII–XIX вв. только со склоняемыми формами от *бистурий*, *бистурей*, например, у В. Ф. Одоевского, А. И. Герцена и др. авторов³⁹.

В пользу склоняемости термина *бистурий*, *бистурей* говорят его формы, фиксируемые словарями иностранных слов XIX — начала XX вв. зачастую с этимологическими сведениями не вполне точными, а также без указания на отличия этого хирургического инструмента от других хирургических ножей — *ланцета*, *скальпеля*:

«**бистурѹй**, фр. Хирургическѹй инструментъ, употребляемый для надрѹзанія тѣла» ([Яновский Н. М.] Новый словотолкователь, располо-

женный по алфавиту. Ч. 1-я. СПб., 1803, стб. 381–382);

«БИСТУРЕЙ (*bistori*, *фр.* *bistouri*, *отъ bis u tour — верчение*), *ит.* *Мед.* Хирургический нож» (Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1861, 78);

«**бистурій**, *фр.* Хирургический инструментъ въ видѣ ножа» (Дубровский Н. Полный толковый словарь всех общеупотребительных слов, вошедших в русский язык ... 4-е доп. изд. М., 1879, 84);

«**бистурій** (*франц.*) хирургический нож для операций надъ мягкими частями тѣла» (Самый полный словотолкователь и объяснитель 150.000 иностранных слов, вошедших в русский язык ... Составлен филологами Соколовым и Кремером, вновь обработал и дополнил по новейшим источникам С. Н. Алексеев. <5-е изд. М., 1899>, 121);

«**бистурій** *фр.* — хирургический нож съ заостреннымъ концомъ» (Гавкин Н. Я. Карманный словарь иностранных слов, изд. 20-е. Киев — Харьков — СПб., 1903, 90);

«**бистурій** — хирургический нож с подвижнымъ лезвиемъ» (Головков Д. Иллюстрированный словарь иностранных слов с указаниями ударений, изд. 4-е. Одесса, 1916, 52).

Последним словарем иностранных слов, который объяснял значение слова *бистурий* и давал ударение по словарю Д. Головкова, по-видимому был первый «Словарь иностранных слов», выпущенный издательством «Советская энциклопедия»: «**бистури(й)** — *фр.* [*bistouri*] — *мед.* Хирургический нож с подвижным лезвием» (Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. Составили К. С. Кузьминский, М. М. Каушанский, Я. А. Рохлин, С. С. Бровкин. М., 1933, стб. 180).

В последующих изданиях словарей иностранных слов это слово уже не объяснялось.

Любопытно, что если в «Французско-русском словаре» К. А. Ганшиной издания 1939 года читается: «**bistouri** *m.* бистурий, хирургический нож» — то в издании 1957 года только «хирургический нож», позже был добавлен новый термин: «хирургический нож, скальпель» (испр. изд. 1971 г.). В «Новом французско-русском словаре» В. Г. Гака и К. А. Ганшиной (1994) в перевод вернулось старое слово в новом облике: «**bistouri** *m.* хирургический нож, скальпель, бистурий».

Обилие цитат со словом *бистурий*, *бистурей* из большого количества словарей показывает насколько ненадежны их материалы и как трудно при опоре на них уклониться от ошибок, что в большинстве случаев успешно удается А. Е. Аникину, несмотря на лексикографически недостоверный материал.

А. Е. Аникин не уберется от ошибок лексикографических источников, цитируя сочувственно (под *балахон*), слово *балахонец* ‘торговец балахонами’ (СлРЯ XI–XVII вв. I, 68), хотя оно значит ‘житель Балахны’, или не заметил (под *бешкеш*) ошибки в характеристике существительного *пешкеш* как наречия и в приписывании ему значения ‘даром’ (СРНГ 27, 14), хотя оно значит ‘подарок’.

Загадочной представляется параллель прииссыккульского *битюк* 'вошь' (в Киргизии) и не учтенного А. Е. Аникиным жгонского *питюк* 'вошь' у костромских шерстобитов, зафиксированного в середине XIX века в жгонском словаре Лури — Дала⁴⁰, но не подтвержденное последующими записями. Жгонское *питюк* отражает не столько вообще тюркское односложное *бит* / *быт* 'вошь', сколько чувашское двусложное соответствие *пыйтă* 'вошь' (< **pyjtuk*) с отпавшим конечным гуттуральным. Глухое начало для этого слова тюркологи отмечают и в мишарском диалекте татарского языка⁴¹.

Неясно, почему В. И. Даль не включил жгонское *питюк* в свой «Словарь офенского языка», где фигурируют и жгонские слова, но в его же «Русско-офенском словаре» оно присутствует под словом *вошь* как жгонское среди других арготических названий этого насекомого⁴². Иссыккульское русское диалектное *битюк* 'вошь' скорее соотносится не столько с киргизским *бит* 'вошь' и русским суффиксом *-ук* со значением уменьшительности, как весьма категорически полагает А. Е. Аникин вслед за А. Н. Кононовым, сколько (по формальным соображениям) с киргизским прилагательным *битүү* (варианты *биткор*, *биттибек*) 'вшивый', восходящим к **bit-üy*, **bit-lük*. Общий тюркский (не единый?) источник не является неперенным условием единства жгонского *питюк* и прииссыккульского *битюк*, к чему следовало бы присоединить оренбургское искаженное из *битюк* призрачное слово *битоок* (это доказательно говорится в словаре А. Е. Аникина) как важное указание на другую территорию распространения этого своеобразного тюркизма. В «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» Н. М. Малечи (т. I, Оренбург, 2002, с. 138) фигурирует *битюк* 'вошь', что хорошо подтверждает соображения А. Е. Аникина.

Что касается происхождения названия рослого и крепкого ломового коня *битюг*, *битюк*, то оно обычно сводится к не очень доказательным этимологиям от названия реки *Битюг*, *Битюк* или от тюркского прилагательного **bädük* 'большой', 'высокий' в его якутском [!?] варианте **bitüig* [!?] (которые допустимо и соединить «в глубине»). Но это название можно сопоставить также с чагатайским и «сартовским» названиями верблюда *bitü* или *bitäy*⁴³, как самого крупного домашнего животного.

Для этимологически загадочного старого названия безземельного или малоземельного крестьянина *боббль*, которое было заимствовано в казанско-татарский как *бабул* или в сергачский мишарский диалект как *бабул*, татарским языковедом Р. Г. Ахметьяновым была предложена фантастическая этимология — от древнего географического названия *Вавилон*, которое через арабское и персидское, также татарское посредство вошло-де в русский язык с якобы первичным значением 'распутный'⁴⁴. Кроме хронологических и семантических трудностей такая этимология обнаруживает также трудности морфологические. В арабском и персидском языках название жителей *Вавилона* (بَابِل *bābilu*, в персидском также بَابِل *bābul*) представляет собой адъективную форму بابلي *bābilī*, а в татарском ей соответствует образование с суффиксом *-лы/-ли*, поэтому представляются неприемлемыми все соображения Р. Г. Ахметьянова о татарском происхождении слова *боббль*

в связи с арабско-персидским названием *Вавилона* как символа разврата у мусульман: «БАБУҮЛ ‘малоземельный крестьянин; бобыль’ — фарсы, гарэп. *бабуль* ‘азгын; сукбай; гаилэсез өлкэн ир кеше’ — асылда ‘Бабил (Вавилон) кешесе’ дигәннән: мөселманнарда Бабил азгынлык символы булган. Рус. *бобыль* — татарчадан»⁴⁵.

В. А. Меркулова пыталась на основании общих соображений, но без привлечения тюркского материала обосновать тюркское происхождение названий берега, полосы, веревки *бечевá*, *бичевá*, *бечáг*, *бичугá*, опираясь на традицию, что было хорошо с привлечением языкового материала доказано А. В. Дыбо и принято А. Е. Аникиным.

Сделанные здесь замечания относятся преимущественно к весьма трудным словам, причем эти замечания могли возникнуть на базе тех подробных сведений обзора этимологических версий, которые собраны в словаре А. Е. Аникина и на которых основаны дополнительные соображения с привлечением нового материала. Это свидетельство добротности собранного материала и возможности его плодотворно использовать.

Из технических недосмотров стоит отметить повторение одинаковых библиографических сокращений для разных изданий. В первом выпуске аббревиатурным индексом *KI.* обозначено 21-е издание немецкого этимологического словаря Фр. Клуге (1975 г.), а во втором за этой же аббревиатурой уже стоит 23-е издание 1999 г. Эта невнятность может быть устранена в дальнейшем путем указания на номер издания в виде дополнительного индекса или указанием на год издания, чтобы не создавать трудностей для читателя.

С другой стороны, трудности для читателя создает неустойчивость библиографических сокращений, когда одна и та же работа получает два разных индекса, как это произошло с книгой: Жаримбетов А. Тюркские лексические элементы в русской номенклатуре растений. Нукус, 1980. Эта книга в первом томе скрывается за сокращением Жар. 1980, а во втором — Жарим. 1980.

Список сокращений литературы и источников в словаре состоит из двух частей — на русском шрифте и на латинском, которые не смешиваются, поэтому следует избегать индексов, которые можно прочесть двояко. Например, индексы *CT* или *CP* можно искать как в русском алфавите, так и в латинском. Первый раскрывается в русском ключе как «Советская тюркология», а второй — в латинском как *Dictionario critico etimologico castellano e hispánico*, por J. Corominas. Con la colab. de J. A. Pascual, t. I. Madrid, 1980. Следует сокращения делать так, чтобы в них фигурировали специфические русские или латинские буквы, по которым читатели могли бы сразу обращаться к русской или латинской части списка, а не пробегать обе части списка.

В заключение рецензии хотелось бы отметить оперативность в освещении уже опубликованного в первом выпуске словаря материала на букву *а*-. Во втором выпуске опубликованы уточнения и дополнения самого автора и А. В. Дыбо, благодаря чему пользователь словаря получает возможность

знакомиться с самыми последними достижениями русской этимологии, которые не попали в первый выпуск словаря А. Е. Аникина.

Читатель словаря ждет такой оперативности и в дальнейшем.

Примечания

¹ См. мою рецензию: Этимология 2006–2008.

² Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб., 1878, 82.

³ Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона [М.], 1992.

⁴ Т. В. Невская ссылается также на книгу: Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. I. СПб., 1871, 448.

⁵ Более полный материал по варьированию формы арготического названия часов *бокá* (самое распространённое), *байки*, *бани* (самые редкие), *ба́ки*, *бакá*, представленный в «Большом словаре русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (СПб., 2000, 69, 45, 49), но без формы *бана*, и требующий дополнительного источниковедческого анализа, не противоречит высказанному здесь предположению о призрачном характере жаргонизмов *бана*, *бани*. В милицеском словаре-справочнике О. П. Дубягиной и Г. Ф. Смирновой «Современный русский жаргон уголовного мира» (М., 2001, 32) фигурирует слово-призрак *бали* 'часы', помещённое после слова *бандыр*, что явно указывает на опечатку. Явной опечатке обязана своим происхождением и редчайшая форма *до́ка* 'часы', попавшая в «Большой словарь русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (СПб., 2000, 161) из ненадёжного милицейского источника: Потапов С. М. Блатная музыка: Словарь жаргона преступников. М., 1923.

⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008, т. I, 438–441, т. II, 449; Болдырева Ю. А., Никандрова Т. Е. Развесистая клюква XVI в. // Русский язык в школе, 2009, № 2, 80–82.

⁷ Исаченко А. В. // Russian Linguistics, vol. 3, № 1, 77.

⁸ Добродомов И. Г. Венгерское ругательство в эпистолярной Батюшкова // Philologica. М., 1995, т. II, № 3/4., 263–266.

⁹ Добродомов И. Г. Тюркизмы русского языка в освещении Н. К. Дмитриева // Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения. М., 2001, 83–85.

¹⁰ Там же, 78–80.

¹¹ Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев: Словопроизводство. Рязань, 1980, 77, 78, 98.

¹² Добродомов И. Г. Проблемы этимологии в нормативной лексикографии. Магадан, 2009, 20–24.

¹³ Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Рязань, 1980, 77, 92, 97.

¹⁴ Меркулова В. А. К проблеме потенциального тюркизма // Этимология, 1985. М., 1988, 82.

¹⁵ Соболевский А. И. Мелочи // Русский филологический вестник. Т. 66. Варшава, 1911, 345; Шанский Н. М., Боброва Т. А. Жизнь русского слова. М., 2006, 57.

¹⁶ Ногайско-русский словарь. М., 1963, 490.

¹⁷ Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. М., 2008, 319.

¹⁸ Юналеева Р. А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). Казань, 2000, 28–38; Юналеева Р. А. Структурно-семантический анализ

русских слов с тюркским элементом *баиш* // Ученые записки Казанского педагогического института, 1976, № 161 (Вопросы теории и методики изучения русского языка), 202–209.

¹⁹ В «СлРЯ XI–XVII вв.» из всего этого многообразия вариантов попали три: *бдынь*, *година* и *дынь*, но как самостоятельные слова (!), что спорно.

²⁰ *Страхов А. Б.* Из области обрядовой терминологии: ц.-слав. *трызна*, (б)дынь etc. // *Palaeoslavica*, X/ 2002, № 2, 181–196. Статья А. Б. Страхова вызвала полемику на страницах журнала «*Palaeoslavica*». *Добродомов И. Г., Шаповал В. В.* О призрачных словах у лексикографов // *Palaeoslavica*, XIII/ 2005, №1, 331–333; *Страхов А. Б.* О мнимой «призрачности» др.-рус. *бдынь* (реплика) // *Palaeoslavica*, XIII/ 2005, №1, 338–341. Однако вопрос о загадочном слове *бдынь* и т. д. остается открытым.

²¹ Отмечается, что «в ряде северных и северо-западных летописей (1-й Софийской, Воскресенской, Типографской, 1-й Псковской, Тверской, Львовской, Ермолинской и др.) вместо *въвериць* стоит *въкшиць*». *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, 559.

²² *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М. — Жуковский, 2001, 387–476.

²³ Там же, 457.

²⁴ *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. I. Пгт., 1916, 367–368.

²⁵ Там же, 19.

²⁶ *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868 (Отд. изд. из «Летописи занятий император. Археографической комиссии», вып. 4); *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М. — Жуковский, 2001, 246, 253.

²⁷ *Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. Przekład K. Mecherzyńskiego.* Т. I: Ks. I. II. IV. Kraków, 1867, 52 (=Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dzieła wszystkie. Tom II).

²⁸ *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1979, 14.

²⁹ *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004, 79, 226.

³⁰ Слова *бъла*, *бъль* (последнее в собирательном значении) весьма часто встречаются в грамотах XIV в. См. *Лукина Г. Н.* Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990, 131–133.

³¹ *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, 561.

³² *Добродомов И. Г.* Лингвистические ареалы и история товарно-денежных отношений (к истории названий некоторых денежных единиц в языках Восточной Европы и Средней Азии) // *Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары*, 1979, вып. 7, 16–22.

³³ «*Берггауеръ*, или *Бергъ-гауеръ* <на переносе! — *И. Д.*>, нѣм. Тотъ, кто рубить: горосѣчець, каменосѣчець, рудокопатель» — [*Яновский Н. М.*] Новый слово-толкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 1. СПб., 1803, стб. 369.

³⁴ СлРЯ XVIII в. I, 200.

³⁵ См. также: *Спасский Г. И.* Горный словарь. Ч. 1. М., 1841, 25: «*Берггауеръ* (*Bergbauer; mineur*), бергауеръ, горосѣчець, горнорабочій, занимающийся собственно добычею рудъ или разработкою рудника. Званіе это имѣють также служители, обращающіеся въ заводскихъ и другихъ работахъ».

³⁶ Подробности см.: *Добродомов И. Г. Пешкеш* из словарей и текстов // Наше слово: К 80-летию профессора В. Д. Бондалетова. М., 2009, 51–61.

³⁷ *Әхмәтьянов Р.* Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001, 45.

³⁸ *Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы. М., 1992, 9, 13.

³⁹ Академический «Словарь русского языка XVIII века» почему-то этого слова не дает, хотя оно и употреблялось уже в это время.

⁴⁰ *Громов А. В.* Жгонский язык. М., 2000, в разделе «Словарь языка шерстобитов» (без пагинации).

⁴¹ Диалекты тюркских языков. Очерки. М., 2010, 344: *pət* при казанском *bət*.

⁴² *Бондалетов В. Д.* В. И. Даль и тайные языки в России. М., 2004, 359; ср. также 127.

⁴³ *В. В. Радлов.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. СПб., 1911, стб. 1778, 1774.

⁴⁴ *Әхмәтьянов Р.* Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001, 31.

⁴⁵ Там же.

И. Г. Добродомов

M. Jakubowicz. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny. Warszawa, 2010. 375 s.

Мариола Якубович — представитель польской этимологической школы, один из авторов создаваемого в Кракове по инициативе и первоначально под руководством Ф.Славского «Праславянского словаря» (SP), и ее монография посвящена одному из самых актуальных вопросов этимологической науки — семантической реконструкции и возможности создания словаря семантических параллелей (в плане статики, синхронии) или семантических «переходов» (в плане динамики, диахронии) славянской лексики. Как известно, наличие схождений в способе номинации одного и того же денотата между разными языками (ономазиологический аспект) или аналогий в семантическом развитии соответствующих языковых знаков (семасиологический аспект) служит для этимологов важнейшим критерием при обосновании предлагаемого решения или при выборе из нескольких альтернативных версий, допускаемых формальной реконструкцией. В условиях, когда все еще семантическая сторона остается слабым местом славянской этимологии, даже в таких авторитетных компендиумах, как московский «Этимологический словарь славянских языков» (ЭССЯ) и краковский «Праславянский словарь»¹, книга М. Якубович воспринимается как долгожданный прорыв в этой области и первая серьезная попытка не просто в очередной раз обратить внимание на проблемы семантической